

Фотопрография не выцвела со временем. Даже как будто стала ярче, и сейчас, когда я держу ее в руках, меня не оставляет мысль, что часть наших жизней перетекла в нее и навсегда осталась на глянцевом листе. Фотограф был тот еще колдун.

Вот и он сам, в центре — смотрит в объектив с понижающей усмешкой. На официальных снимках его лицо дышит благородством, а собственная камера поймала хозяина таким, каким он был в ту минуту: злым, веселым, упивающимся своей игрой. Отчего он не пожелал прикидываться, как всегда?

У меня есть объяснение.

Возможно, в кои-то веки он на секунду приоткрыл свое настоящее лицо, потому что вокруг собрались одни притворщики. Его позабавила идея сыграть на контрасте.

А теперь смотрите внимательно.

На снимке нас двенадцать — дюжина лжецов. Мы сгрудились вокруг сидящего в кресле величественного старика: пятеро детей, шестеро взрослых — и он. Большая дружная семья! И заметьте, все улыбаются, кроме одной девочки. Она смотрит в камеру так, словно догадывается, что должно произойти.

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

Впрочем, это ни для кого не секрет. Я расскажу, что случится вскоре после щелчка затвора. Знаете, что вы видите на самом деле вместо большой дружной семьи?

Вы видите жертву, преступника и свидетелей.

Говорят, у каждой семьи есть свои скелеты в шкафу. Но открыв наш гардероб, вы обнаружите за дверцей небольшое ухоженное кладбище. Знаете, как это бывает — у одних в шкафах Нарния, а у других торчат кресты на погосте.

На снимке мы улыбаемся в камеру — все, кроме единственного испуганного ребенка.

Один из нас вскоре будет мертв. Тот, кто убьет его, стоит в шаге от будущей жертвы.

Обстоятельства, при которых произошло преступление, и его причины известны мне лучше, чем кому-либо другому.

Потому что убийца — это я, и это моя история.

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

2000 год

1

—**У** старухи черный дом! Она служит в черной комнате черную мессу!

Таинственный Женькин шепот проникает в самое сердце, и внутри становится сладко до ужаса.

— Черная старуха идет по черной-черной улице. Она сжимает черный-черный нож! Она ищет черную кошку!

— Фигня!

Белокурая девочка потянулась и демонстративно зевнула.

— Фигня? — Рассказчица прищурилась и обернулась к другой слушательнице. — Тоже считаешь, что я вру?

По правде говоря, Тишка так и думала. Но когда тебе двенадцать, а твоей двоюродной сестре четырнадцать, спорить с ней осмелится лишь человек, который совсем-совсем не боится черной старухи.

— Изо-ольда! — шепчет Женька специальным голосом, от которого мурашки по коже. — Она родилась ведьмой в Польше сто сорок лет назад!

Каждое утро Изольда Андреевна Дарницкая проходит мимо их дома — сутулый стервятник, водрузив-

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

ший на голову шляпу со страусиным пером. На скрюченных пальцах сияют перстни. Мочки пятнистых ушей оттянуты серьгами, сверкающими как мартовские сосульки. Иногда на шляпу цепляется ажурный зонтик от солнца: Изольда утверждает, что так меньше портится кожа.

Вокруг ее ног шуршит юбка из черной тафты, на плечах серебрится шаль с люрексом. Изольда наносит визиты знакомым.

Старуха напоминала бы городскую сумасшедшую, если б не ее манера разговаривать, высокомерная до такой степени, что собеседник невольно ощущал себя глупцом. Изольда не общалась — она снисходила. Не здоровалась — награждала своим вниманием.

— Я ведь певица, — хрипло говорит Изольда Тишкиной бабушке и выпускает дым из пунцовых губ. — У нас с Всевышним особые отношения. Мы — божьи дудочки. Господни тростники, через которые в мир льется его мелодия.

Все-таки она была совершенно чокнутой.

И как утверждали в поселке — невероятно, сказочно богатой.

Врали, разумеется. Откуда взяться сказочному богатству у бывшей исполнительницы романсов, давно потерявшей голос. Но все эти перстни, духи, шелестящие платья, огромный таинственный дом, в который никому не было доступа, кроме ее единственного сына — позднего болезненного ребенка, красивого какой-то ущербной красотой... Все это порождало слухи. Безумные, как и сама Изольда Дарницкая.

— У нее дома алтарь, — говорит Женька, — перед алтарем ковер, в ковре живут мертвые пчелы. Они делают мертвый мед. Она обмазывает им губы и кого поцелует, тот сам придет к ней ночью и останется навсегда.

ПИРОГ ИЗ ГОРЬКОГО МИНДАЛЯ

— Зачем ей люди? — Вероника села на траву и обхватила колени тонкими белыми руками.

— Лучше тебе не знать. В полнолуние к ней является черный лекарь и приносит синеглазую жабу. Ее кожа обжигает! Дотронешься голыми руками, будут волдыри.

Тишка вспомнила, что старуху и впрямь часто видели в кружевных перчатках. Она вопросительно взглянула на Веронику, ожидая, не последует ли опровержения. Но та молчала.

— В ночь с четверга на пятницу у жабы вспучивает брюхо и ее тошнит драгоценным кольцом. Или серьгой!

Тишка от восторга затаила дыхание. Последовательница Джеральда Даррелла, она многое отдала бы за то, чтобы увидеть это уникальное земноводное.

— А охраняют жабу кошки с рыбьими глазами. Если они оцарапают человека, у него в горле вырастут водоросли, и он умрет!

— Завралась, — констатировала Вероника. Вытащила из кармана расческу и принялась водить по своим дивным волосам.

Женька сощурилась:

— Легко проверить!

— Как это?

— Пошли со мной к Изольде!

Вероника пожала плечами:

— Она тебя не пустит. Она никого не пускает.

— А я не спрошу!

Повисло молчание.

Тишка первая сообразила, что предлагает старшая из сестер.

— Ты хочешь... хочешь залезть к ней? Как вор?

— Как археолог! — поправила Женька. — Изольда уже давно ходячий труп. Значит, ее дом — это гробница!

Вероника даже расчесываться перестала.

— Совсем больная!

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

Старшая сестра не удостоила ее ответом.

— Пойдешь со мной?

Прямой твердый взгляд устремлен на Тишку. Девочка почувствовала, что сердце стукнуло где-то в желудке.

— Ты не залезешь! — вмешалась Вероника. — Она всегда запирает окна!

Женькина улыбка стала шире:

— Все, кроме чердачного!

Девочка замолчала.

— На заднем дворе растет старая черемуха, — жарко зашептала Женья, склонившись к Тишке. — Можно пробраться по ветке до окна. Она выдержит!

— Откуда знаешь? — тоже шепотом крикнула Вероника.

— Уже пробовала. Окно Изольда всегда держит открытым. Она не боится воров. Но мы же не воры!

«Мы не воры!» — повторила про себя Тишка.

— Старуха уходит в гости ровно в одиннадцать. Почему?

— Почему? — заворожено повторила Тишка.

— Потому что в десять тридцать заканчивается радиопередача «Золотой век романса». Полчаса старуха собирается, затем выходит из дома. Помните про чердачное окно? Оно открыто. Изольда возвращается через пару часов, но иногда гуляет и дольше.

Женька шептала очень быстро. Тишку поразила ее осведомленность.

— Мы дождемся одиннадцати, заберем в дом, распугаем кошек и найдем волшебную жабу, — уверенно закончила Женья.

— Брать ничего не станем, только посмотрим, — неожиданно для себя сказала Тишка.

И лишь поймав испуганный взгляд Вероники, поняла, на что она согласилась.

«Завтра выдвигаемся», — сказала Женя после ужина.

И это по-военному четкое «выдвигаемся» прозвучало так веско, что Тишка даже спину выпрямила. Есть, мой генерал!

С одной стороны, интересно — ужас как! Они попадут в логово ведьмы!

С другой, страшно до того, что дух захватывает. Как в парке на американских горках, когда твой вагончик притормаживает перед бездной. В этот миг всегда хочется отменить уже случившееся. Но поздно: не селся вниз, вопя от восторга и страха.

Так и с Женькой. Тишка прикинула, не сказать ли наутро больной. Но стоило ей вообразить презрительно изогнувшиеся Женькины губы, ее надменное молчание...

В глубине души Тишка понимала, что в дедовом доме она чужак. Со стороны могло показаться, что здесь живет пятеро детей. Но внутри царила безжалостная арифметика, разбивавшая пять на три и два. Двое «странненьких» — Тишка и Лелик. И трое прекрасных, здоровых, качественных подростков — Вероника, Пашка и, разумеется, Женя.

Женька выбрала для своей авантюры не кого-нибудь, а Тишку. И это было не просто предложение, а мостик, перекинутый над пропастью, разделявшей неудачников и счастливых.

Не то чтобы Тишке очень хотелось присоединиться к этой компании. Но для ее мамы это почему-то было важно. Тишка смутно угадывала, что не оправдывает ожиданий. Поход к Изольде должен все изменить.

С утра набежали облака, быстро стемнело и в воздухе запахло близким дождем. Стрелка барометра качнулась к осадкам.

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

— Идем быстрее, — шепнула Женька после завтрака. — Вдруг Изольда раньше вернется!

Их никто не остановил. Вероника валялась на кровати в наушниках, Пашка после завтрака исчез. Про Лелика и говорить нечего. «Сидит в своей комнате, птичек рисует», — подумала Тишка. На миг ее охватило острое чувство зависти. Лелику не нужно никому ничего доказывать. Но она представила жабу, выталкивающую из пасти сияющее кольцо с изумрудом, и кинулась следом за Женькой.

К дому Изольды подошли как ни в чем не бывало, словно прогуливаясь. Тишке показалось, что вокруг полно невидимых любопытных глаз. Ощущение было таким явственным, что мурашки побежали по коже.

— Обойдем забор, как будто мы к Прокофьевым, — спокойно сказала Женя. — А там срежем путь.

Девочки свернули в проулок. Прокофьевы, соседи Изольды, приезжали только на выходные. Некому поймать за руку двух подростков, шныряющих по чужим садам.

Они перемахнули через калитку, пробежали между вишен и низкорослых раскидистых слив с побеленными стволами. На дощатый забор влезли без труда и, балансируя, шли друг за дружкой, пока не уперлись в старую черемуху. Тишка была так поглощена тем, чтобы не оступиться, что почти забыла о цели их путешествия.

Вспомнила лишь тогда, когда Женька шикнула на нее:

— Тихо!

В переулке кто-то показался.

Девочка юркнула вверх по веткам. Ей послышался недалеко приглушенный свист, словно ветер командовал сквознякам готовиться к нападению. Но тут же все стихло.

ПИРОГ ИЗ ГОРЬКОГО МИНДАЛЯ

Едва прохожий скрылся, Женька перебралась выше и уселась рядом с Тишкой.

— Окно видишь?

Ветка действительно тянулась к чердачному окну, и теперь Тишка поняла, отчего Изольда не закрывает его. Во-первых, ветка хлипкая. Во-вторых, окошко маленькое, взрослому человеку и не протиснуться.

— Давай! — скомандовала Женька. — Заберешься туда. Ты легкая. А потом откроешь мне заднюю дверь.

Тишка уставилась на нее во все глаза. Но ведь план был не такой!

— Чего тарачишься? — прошипела Женя. — Вперед! Старуха через полчаса вернется!

И с такой силой подтолкнула Тишку, что та едва не слетела вниз.

Девочка вцепилась в ветку, перекинувшуюся от дерева до окна. И полезла как обезьянка, отчаянно сожалея, что у нее нет хвоста.

Ветка качалась и пружинила, так что Тишка старалась не дышать. Больше всего она боялась услышать хруст. Крыша все ближе, ближе... Наконец Тишка спрыгнула на шиферный скат и вцепилась вспотевшими ладонями в оконную раму.

Обернулась. Женькино лицо белело среди ветвей. Тишка только теперь сообразила, что освобожденная от ее тяжести ветка снова приподнялась над крышей и вернуться тем же путем не получится.

Она подтянулась, протиснулась через узкую раму и чуть не нырнула вниз головой. В последний момент успела выставить руки и приземлилась на дощатый пол, покрытый грязью и шерстью. «Кошки с рыбьими глазами!»

Когда она выглянула наружу, Женька уже исчезла.

Девочке было так страшно, что она кубарем слетела с чердачной лестницы, пробежала по темному коридо-

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

ру, изо всех сил стараясь не увидеть чего-нибудь лишнего, и с размаху ударилась в дверь. С засовами Тишка разобралась за две секунды. Дверь распахнулась, и Женька ввалилась внутрь.

Девочки захлопнули ее за Женькой и навалились спинами, словно ужас поджидал их снаружи, а не внутри. Несколько секунд стояли, тяжело дыша, затем переглянулись.

— Пойдем, — одними губами сказала Женька.

Справа тускло светлел прямоугольник открытого прохода, мимо которого Тишка промчалась, не заметив его. В воздухе стоял густой непонятный запах, в котором смешались дурман старинных парфюмов, вонь кошачьей мочи, пыль, кисловатый привкус забродившего компота и что-то еще, чему Тишка не находила названия. Дом деда казался ей огромным, но этот превосходил его: он был словно лабиринт, темный, запущенный, напоминающий парк развлечений, который долгие годы простоял заброшенным.

Коридоры, зеркала, портреты... Со стен на них смотрела Изольда: молодая, с дерзкой улыбкой, с гитарой в руках. От запаха у Тишки закружилась голова. Ей хотелось выйти на свет, и она свернула в первую же открытую дверь. Женька шагнула за ней.

Под ноги им бросился мохнатый комок. Женька отшатнулась и издала странный вскрик. Тишка неимоверным усилием сдержала крик ужаса. Комок обернулся кошкой, вполне живой и самой обыкновенной: серой в белую полоску.

— Господи, — Женька схватилась за сердце. — Я едва не умерла.

Тишка промолчала. Ей казалось, что она как раз умерла. На целых три секунды. Кошка пробежала мимо них, вспрыгнула на кресло.

— Смотри! — Женька толкнула девочку под локоть.

ПИРОГ ИЗ ГОРЬКОГО МИНДАЛЯ

На комодѣ у заштореннаго окна желтело облезлое чучело лисы. Стеклянные глаза глупо смотрели в никуда. На шеѣ у лисы болтались бусы, одно ухо было по-собачьи подвернуто внутрь.

— Сама Изольда мастерила! — таинственно зашептала Женька на ухо Тишке. — Убила лису и набила. Где-то в подвале наверняка и чучело человека спрятано!

Но Тишке больше не было страшно. Кажется, весь запас испуга она израсходовала на кошку. «И жабы никакой здесь нет, — вдруг поняла она. — Женька все это выдумала».

Портьера шевельнулась. Но на этот раз девочки были готовы, и когда оттуда вышла вторая кошка, копия первой, они даже не вздрогнули.

— Судя по вони, их здесь не меньше дюжины, — уже обычным тихим голосом сказала Женя. — А Изольда никогда не рассказывала...

Просторная комната, в которой они оказались, была беспорядочно заполнена мебелью и больше напоминала склад старинных вещей. Здесь были разномастные кресла на гнутых ножках, плетеные короба, трельяж с потемневшими зеркалами, узенькие шкафчики с дверцами из кусочков цветного стекла, прильнувшие друг к другу, точно сиа́мские близнецы. Тишка поймала себя на том, что ей здесь нравится. Если бы не запах, от которого горло забивает ватной пробкой...

— Пошли, — скомандовала Женька. — Надо осмотреться!

Тишка отрицательно качнула головой.

— Ты чего?

— Не пойду. Хочешь — сама осматривайся.

Несколько секунд Женька испытующе смотрела на нее. Тишка прямо встретила жесткий взгляд.

— Ну и пожалуйста. — Женя пожала плечами. — Сиди тут, если тебе не хочется посмотреть на жабу!